

К методологии научных исследований

Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов

Кравченко Сергей Александрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
МГИМО (У) МИД России, Москва

E-mail: sociol7@yandex.ru

Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540

Аннотация. Анализируются тенденции развития и усложнения социологического знания в контексте эффектов социологической «стрелы времени», для чего задействуются теоретические инновации, содержащиеся в материалах XV–XIX Всемирных социологических конгрессов. Каждый мировой социологический форум давал импульс для расширения и усложнения предмета социологии – идёт постоянное «переоткрытие» социальной реальности, что является показателем увеличения валидности социологического знания. XV Конгресс (Брисбан) дал импульс развитию социологии по пути увеличения разнообразных теоретико-методологических подходов к исследованию общества, которые предполагают интеграцию и широкое использование достижений других социальных и естественных наук. XVI Конгресс (Дурбан) ознаменовался процессом интернационализации социологии, что нашло отражение в становлении её полицентричности. XVII Конгресс (Гётеборг) определил, что трансформация социологического знания стала обусловленной не столько ускоряющейся, сколько усложняющейся динамикой социума. XVIII Конгресс (Йокогама) констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий. XIX Конгресс (Торонто) сделал акцент на анализе побочных эффектов человеческой деятельности, которые, по существу, изменяют социокультурную природу власти, насилия, справедливости. Особое внимание было уделено тому, что сегодня социологическая «стрела времени» направлена на изучение ненамеренных последствий цифровизации общества, научного знания и становления цифровых технологий. Возникли невиданные ранее проблемы концентрации власти несколькими глобальными цифровыми компаниями. Новые реалии цифрового общества радикально изменяют отношения между людьми и цифровыми машинами – социализация индивида, его мышление становятся подчинёнными функционированию «умных» машин. Но, главное, создаются принципиально новые властные структуры, детерминированные цифровым миром, являющиеся силой в политико-экономических и геополитических конфликтах, а также контролирующие индивидуальные тела и социальные отношения. Преодоление возникших вызовов человеческой цивилизации социологам видится на путях перехода к междисциплинарному знанию с культурным стержнем, для чего необходим гуманистический поворот в развитии всех наук.

Ключевые слова: социологическая «стрела времени», всемирные социологические конгрессы, побочные эффекты, знание, цифровизация социума, метаморфозы, междисциплинарность, гуманистический поворот

Лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным был обоснован постулат *«стрелы времени»*, квинтэссенция которого в том, что имеет место *ускоряющееся и усложняющееся* саморазвитие *всей* материи, включая социальные реалии: «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль «стрелы времени», эволюционных ритмов возрастает» [Пригожин, Стенгерс 2000: 265]. Мы полагаем, *эффект «стрелы времени» следует распространить на динамику научного знания вообще и социологического знания в особенности*, что подтверждается теоретическими новациями материалов всемирных социологических конгрессов [Кравченко 2014a]. Соответственно, социологам приходится постоянно «переоткрывать» социальную реальность, что является показателем валидности социологического знания [Кравченко 2014b].

Брисбан (2002): XV Всемирный социологический конгресс об усложнении структуры знания

Отметим пять, на наш взгляд, наиболее существенных инноваций, свидетельствующих об эффектах социологической «стрелы времени». Во-первых, развитие социологии пошло по пути увеличения *разнообразных теоретико-методологических подходов* к исследованию общества, которые предполагают интеграцию и широкое использование достижений других социальных и естественных наук. Практически ушли в прошлое попытки создания универсальной, всеобъемлющей социологической теории, которая бы давала ответы на все или хотя бы на большинство глобальных вызовов современности. Весьма существенные изменения в социальных реалиях связаны с факторами увеличения неопределённости, рискогенности, случайности, многовариантности и альтернативности. Показательны в этом плане прошедшие сессии: «Может ли быть постмодернистский универсализм?» (председатель – Дж. Александер); «Новые философии социальной науки» и «Аналогии с другими науками» (председатель сессий – П. Байерт, Кембриджский университет, Великобритания).

Во-вторых, в самом социологическом сообществе появились примечательные тенденции, связанные с *усложнением структуры знания и исследований*, что прямо сказалось на качественных изменениях в предмете исследований, который существенно расширился. Так, появились три новых исследовательских комитета – «Социокибернетика», «Социология профессиональных групп», «Социология детства». Возникли тема-

тические группы с новыми предметными полями. Среди них: «Тело в социальных науках»; «Социология локально-глобальных отношений»; «Социология Холокоста» (Дж. Александер сделал сообщение: «Прожорливость зла: Холокост от военного преступления до травматической драмы»); «Социальный надзор в информационных обществах»; «Переосмысление цивилизационного анализа» (Э. Тирикьян выступил с докладом: «Имеет ли “цивилизация” смысл после 11 сентября?»).

В-третьих, ряд особо актуальных *междисциплинарных проблем* был вынесен на объединительные сессии, среди которых: «Амбивалентность социального изменения». На других объединительных сессиях обсуждались проблемы новых вызовов, включая амбивалентности глобализации, новых реалий миграции и урбанизации; кто «мы» в контексте «Как мы это знаем»; проблемы гендера, работы и семьи в условиях преимущественной мужской занятости; этнический бизнес; брак, семья и проблемы рационального выбора; увеличивающиеся ожидания и амбивалентные протесты; влияние глобализации экономики на физическое и умственное здоровье; особо отметим – исследования природо-общественных отношений, получившие существенное развитие на последующих форумах.

В-четвёртых, произошла *институализация феминистского направления* в социологии. Состоялись более двадцати сессий, среди которых: «Женщины и социальное изменение», «Феминистское изучение мужчин и маскулинности», «Новые возможности феминистской активности», «Феминистские социологические парадигмы» и др.

В-пятых, новацией Конгресса стало проведение *сессий учёных, представлявших конкретные языковые сообщества*, что, на наш взгляд, уменьшило доминирование Американской социологической ассоциации при всех достижениях её представителей, чьи исследования вошли в социологические учебники всех стран. Был проведён «Русскоязычный форум» и сессия Российского общества социологов. По существу, это была первая реальная и достаточно эффективная попытка включения достижений российской социологии в контекст мировой социологической мысли.

Дурбан (2006): «переоткрытие» социо-природных реалий в материалах XVI Всемирного социологического конгресса

Во-первых, было констатировано *углубление процесса усложнения социокультурной динамики современного социума*, формы которого в значительной степени под влиянием глобализации стали развиваться нелинейно, с разными скоростями

и ритмами. Не случайно первая президентская сессия была ознаменована дискуссией на тему «Разнообразие социального существования в глобализирующемся мире». Особо отметим то, что в инвайроментальной проблематике был сделан акцент на исследование механизма дисхроноза природной и социальной эволюции.

Во-вторых, *начался сложный процесс интернационализации социологии, что находит отражение в становлении её полицентричности*. Это проявляется по ряду направлений. Доминирование американской и европейской социологий, несомненно, присутствовало (большинство сессий возглавляли учёные из США и Европы). Однако и в других регионах мира появились и весьма активно развиваются социологические школы, становящиеся *весьма значимыми социологическими центрами*. Они, естественно, не приемлют евроцентризм, имеют не только *специфический социум* для анализа, но и во многом свой *теоретико-методологический инструментарий*, который, разумеется, основывается на общепризнанных международных научных стандартах. Полагаем, стало возможным говорить об институционализации *самостоятельных* австралийской, индийской, бразильской, африканских и, разумеется, российской социологий. Кроме того, само содержание мирового, европейского центра и их периферий «переоткрывается», что *касается центров социологической науки*. Речь шла о значимости научного влияния национальных школ.

В-третьих, нелинейная динамика социума, находящегося в разных темпомирах, естественно, не может не отразиться на развитии самой социологии, *которая обретает рефлексивный характер с отсутствием единого стержня, что неизбежно порождает целый ряд многогранных амбивалентностей*. Так, была выявлена следующая теоретико-методологическая амбивалентность: всевозможные «универсализмы» (логоцентризм, рационализм, прагматизм и т. д.), ещё вчера господствовавшие в науке, хотя и сохраняют влияние, уходят в историю социологической мысли. Их теснят *релятивизмы, виртуализмы, рефлексивности*: автопоэзис (Н. Луман, его теоретические подходы широко обсуждались во многих докладах), ризома («скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении, – метафорическое обозначение, предложенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, внеструктурного и нелинейного способа организации целостности), симулякр (Ж. Бодрийяр), след (Ж. Деррида), ничто (Дж. Ритцер) и т. п. Отметим некоторые доклады, связанные со становлением рефлексивной социологии: «Совмещение позиций Арчер и Бурдье в эмерджентистской теории действия», «Изучение человеческой рефлексивности: суждение с позиций междисциплинарных подходов», «Теория рефлексивности второго порядка», «Структурация в противовес личной рефлекс-

сивности позднего модерна?», «Комплексный поворот в социальных науках», «Усложнение теории: постмодернистская парадигма для социологии?».

В-четвёртых, мужское и женское видение социума, его интерпретации стали *в равной степени валидными для многих представителей современной социологии*. Подтверждением тому служит тематика более двадцати сессий, среди которых: «Критическое изучение мужчин и маскулинности», «Женский труд в новой глобальной экономике», «Гендер и работа», «Гендер и права человека», «Транснациональные феминистские солидарности», «Женщины в науке и технологии», «Гендер, глобализация, образование и демократия», «Религия, духовность и политика: исследование разнообразных значений веры», «Гендер и публичная социология», «Эффект влияния гендерного участия в общественной жизни на качество социального существования».

В-пятых, само разнообразие социального существования подтолкнуло социологов, занимающихся изучением конкретных сфер социума, к *поиску диалога, более углублённого взаимодействия* ради понимания того, что же ныне происходит в глобализирующемся мире. Назовём несколько, на наш взгляд, наиболее интересных сессий: «Инвайронменталистские вызовы городских регионов в глобализирующемся мире», «Отчуждение и социальные движения: демократический партиципатив в эру глобализации», «Будущее и социальная теория», «Социологи без границ».

Гётеборг (2010): XVII Всемирный социологический конгресс о движении социологии к сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов

Девиз XVII Всемирного социологического конгресса – «Социология в движении» (Sociology on the Move) – определил состояние социологической науки как *весьма динамичное*. За этим стоит то, что прежде конкуренция теорий предполагала «диалектическое отрицание» одних теоретических подходов и создание других, которые становились *лидерами мировой социологической мысли*. Однако, как нам представляется, материалы Конгресса свидетельствовали о том, что развитие мировой социологической мысли обрело *принципиально иной*, во многом неожиданный вектор развития. Его суть: трансформация социологического теоретизирования стала обусловленной не столько *ускоряющейся*, сколько *усложняющейся* динамикой социума, о чём двумя годами ранее было

заявлено на VIII Конференции Европейской социологической ассоциации [Кравченко 2008]. XVII Всемирный конгресс социологии эту тенденцию особо акцентировал. *Социология начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию, своего рода методологический центр, задающий характер и направление развития мировой социологической мысли* [Кравченко 2011]. Выделим, на наш взгляд, главные инновации.

Во-первых, на президентскую сессию было вынесено *пять* весьма разных макротем, представляющих собой актуальные проблемы, связанные сетевой логикой взаимодействия учёных.

Во-вторых, сетевому взаимодействию способствует продолжающийся и набирающий силу *процесс интернационализации социологии*. По словам М. Вьевьорки, Президента Всемирной социологической ассоциации (2006–10 гг.), «социология не только присутствует, но процветает повсюду в мире, она становится глобализированной» [Wieviorka 2010: 15].

В-третьих, дело не только в расширении географии производства социологического знания, но и в формировании *новых научных школ со своим предметным полем*, чья роль в институализации конкретного социологического теоретизирования возрастает. Школы становятся *весьма значимыми социологическими центрами*. Они, естественно, имеют *специфический социум* для анализа и потому не приемлют евроцентризм и американоцентризм, делая ставку на создание своего собственного теоретико-методологического инструментария. Всё это ведёт к тому, что эффекты социологической «стрелы времени» ставят под вопрос само содержание мирового центра и периферий социологической науки. Как нам представляется, дан импульс тому, что в социологическом сообществе стали утверждаться сетевые взаимосвязи *ацентричного толка* без деления на «высшую» и «низшую» социологию.

В-четвёртых, Конгресс показал, что возрастает роль *невидимых колледжей* в сетевом взаимодействии учёных, которые институционализируют *регионально-особенные* аспекты социологического теоретизирования. Невидимые колледжи, объединяющие представителей *разных наук*, на своём *локально-предметном* научном поле вносят *нелинейный вклад* в развитие социологического знания. Полагаем, можно прогнозировать, что дифференциация и усложнение социологического знания неизбежно будут способствовать образованию подобного рода сообществ, причём не только на региональном, но и на глоболокальном уровнях.

В-пятых, «переоткрытие» *новых исследовательских полей* в силу усложняющейся динамики социума практически невозможно без сетевого взаимодействия *социологов различных*

Социология начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию.

поколений. Отнюдь не случайно оказались вновь востребованы теоретические достижения прошлого, которые, естественно, *наполняются новым содержанием* и предполагают *новое прочтение*. Так, были сделаны научные сообщения, специально посвящённые творчеству Л. Альтюссера, исследователя и критика тоталитаризма Х. Арендт, представителя феминистской постмодернистской теории Ю. Батлер, русского философа, чьё творчество выходит на постмодернистскую проблематику М. М. Бахтина и др.

В-шестых, востребованность *новых теорий* социологического воображения уже осознаётся мировым социологическим сообществом [Fuller 2008; Beck 2007]. На Конгрессе на эту тему было сделано 13 докладов, среди которых: С.-Дж. Хан «Почему мы нуждаемся в новом социологическом воображении?» [Han 2010: 191]. Нами также была предпринята попытка показать динамику теоретизирования в контексте нового типа социологического воображения [Кравченко 2009: 14–24].

Приведённые данные в контексте эффектов социологической «стрелы времени» позволяют сделать следующие обобщения: традиционный, линейный подход к «старению» социального знания более не работает – усложнение социума побуждает учёных к постоянному «*переоткрытию*», казалось бы, исторически исчерпавших себя идей; социальное знание переходит из исторически-контекстуального во *вневременное время* существования, в новую доминирующую ныне рефлексивную темпоральность, адекватную сетевому социуму, создаёт возможности «избавления от контекстов своего существования», «*порождения систематической пертурбации в порядке следования явлений, совершаемых в том контексте*» [Castells 2010: 464, 494].

Йокогама (2014): XVIII Всемирный социологический конгресс о новых неравенствах

Конгресс констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий. *Вне национального пространства и конкретного времени* появились сложные риски, уязвимости, потенциальные бедствия и катастрофы; принципиально новыми стали отношения общества и природы, что также обернулось новыми неравенствами. Анализировать эти усложняющиеся становящиеся реалии с позиций только национальных социологий или отдельных теоретико-методологических подходов стало невозможно. В этой связи оказалась востребована «глобальная, над-

Традиционный, линейный подход к «старению» социального знания более не работает – усложнение социума побуждает учёных к постоянному «*переоткрытию*», казалось бы, исторически исчерпавших себя идей.

Конгресс констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий.

национальная, космополитическая» социология, предполагающая возведение «мостов, соединяющих всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [Кравченко 2015: 29–38].

Выделим, на наш взгляд, наиболее значимые свидетельства усложняющейся динамики социологической «стрелы времени». Во-первых, на фоне величайших достижений науки и техники, развития информационных технологий, практически повсеместного распространения интернета и беспроводного телефона, которые потенциально могли бы быть использованы для гуманизации социальных отношений, минимизации социальных неравенств, возникли *реалии глобальных неравенств. Человечество в целом обрело облик неравного и несправедливого мира*. Не просто количественно увеличивается разрыв в доходах и благосостоянии между богатыми и бедными, который, как известно, флуктуирует в культурном и временном контекстах, а *качественно и по нарастающей тенденции* ухудшаются жизненные шансы, стили жизни миллионов людей. Как отметила Р. Соса, вице-президент, курирующая вопросы программы Конгресса, это проблема не отдельных стран – ныне отмечается увеличение факторов, способствующих производству, распространению и усложнению неравенств [Sosa 2014: 12]. Тема многогранности и сложности современных неравенств была вынесена на две президентские сессии: «Сталкиваясь с неравным миром» и «Альтернативы неравному миру».

Во-вторых, возникли *неравенства между возможностями влияния глобальной, по существу западной культуры, и национальными культурами*. При всех достоинствах глобальной культуры, в ней есть существенные *побочные эффекты*: глобальная культура потребительского типа посредством символического насилия способствует утверждению новых форм отчуждения: национальные системы образования примитивизируются, при этом возникают «невидимые неравенства в обучении» в виде макдональдизированных учебных программ, латентно способствующих свёртыванию креативных форм образования.

В-третьих, распространение получили *неравенства, обусловленные динамикой распределения усложняющихся рисков*. Специальную сессию на эту тему провёл У. Бек, автор теорий «Общества риска» и «Мирового общества риска», который показал явные и латентные последствия неравенств для жизни людей. Если в «обществе риска» люди были озабочены *бедностью* (данные неравенства были *ограничены, локальны*), то в «мировом обществе риска» – *беспокойством* относительно возможных сложных социо-природных бедствий. В результате, считает социолог, необходимо «переоткрыть социальное неравенство в глобализирующемся мире», ибо ныне «мы все оказываемся в одной лодке»; классовые, статусные,

национальные различия теряют смысл, заменяются различиями в отношении рисков и беспокойств, что им обозначается как *«новое социальное неравенство»*.

В-четвёртых, появились *неравенства по отношению к усложняющимся уязвимостям*. Ранее социологи имели дело с относительно простыми уязвимостями социально незащищённых групп. Квинтэссенция современной уязвимости проявляется в *нарастании структурной дисфункциональности сложной системы социума, способной к деструктивной рефлексивности, что проявляется в потенциальной угрозе «новых, текущих катастроф», социальных страхах людей относительно возникающих неопределённостей в их жизнедеятельности*. Такие сложные системы могут как бы проявлять свою собственную «волю», деструктивную для общества рефлексивность [Кравченко, Перова 2017]. Вероятность перехода «текущих катастроф» в реальные бедствия выше там, где сложные технологические системы соседствуют с социально-экономической депривацией. Ч. Перроу особо подчеркнул связь уязвимостей с социальным неравенством, ныне усиливающимся «в силу изменений в распределении доходов» [Perrow 2011: 31].

В-пятых, возникли *новые неравенства между Севером и Югом*. Э. А. Тирикьян отметил, что будущее той или иной цивилизации зависит не только от результатов соперничества друг с другом – прослеживается рельефно выраженная тенденция стремления к доминированию цивилизаций Севера на Юга, что конкретно проявляется в сохранении «старых» и образовании новых неравенств и зависимостей, но и от формирования *отношений с природой*. Эти новые неравенства обусловлены изменением статуса природы, которая обретает *социетальный* характер и в значительной степени становится рукотворной. Данные процессы, по сути, разделили людей на тех, кто живёт в «экологически дружественной» среде, и тех, кто вынужден жить в местах, опасных для здоровья человека. В большинстве случаев эти места ранее были вполне пригодны для жизни людей, но экологически изменились под влиянием побочных эффектов человеческой деятельности. К этим неравенствам примыкают *неравенства по отношению к здоровой пище*, они обрели *глобальный рискогенный характер*, выступают мощным фактором политической власти, являются важнейшим компонентом гео- и биополитики [Кравченко 2014с]. Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать, что объективно ущемляет традиционное производство. Но главное – традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» генно-модифицированными культурами.

В-шестых, стали актуальными *неравенства в формирующихся гражданских обществах*. Это действительно вновь возникающие неравенства, ибо речь идёт о странах (в частности, России), в которых в силу разных исторических причин гражданские общества находятся лишь в стадии формирования. С докладом на тему «Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики» выступил академик РАН М. К. Горшков, проанализировавший возникновение новых демократических ценностей, отношение к которым разделило общество. По его мнению, возникшие при этом неравенства следует интерпретировать в контексте двух основных факторов – сложившихся исторических реалий и модели идеального типа как потенциально возможного будущего нашего гражданского общества, которая вберёт в себя не только достижения западной, но и всех культур мира.

В-седьмых, возникли *неравенства в глобальных социальных сетях*. Ещё М. Кастельс показал, что неравенства *имманентно присущи* социальным сетям, ибо их распространение «крайне неравномерно и на планете, и внутри стран»; при этом повсюду любой их участник подвержен «инклюзии и эксклюзии одновременно, варьирующихся для каждого общества, что зависит от институтов, политики и политической практики» [Castells 2010: 161]. В силу данного обстоятельства глобальные социальные сети самого разного толка воспроизводят экономические, политические, культурные неравенства и несправедливости. Как же реагировать на эффекты «стрелы времени»? У. Бек, выступивший с докладом «Мы живём не в эру космополитизма, а в эру космополитизации», показал, что современный процесс принципиально отличен от прежнего философского космополитизма с его гуманистическим пафосом. Под влиянием *реальной* космополитизации возникают новые сложные неравенства, которые практически выходят из-под контроля национальных государств, такие как последствия климатических изменений, распространения синдрома приобретённого иммунодефицита, современный терроризм. Отмеченные неравенства, конечно, явились вызовом современному социологическому знанию. Очевидно, нужна *инновационная социология нового интегрального типа*. У. Бек ратует за «космополитическую социологию» [Beck 2010: 80]. М. Буравой, учитывая нынешнюю социальную и природную турбулентность, высказался за метапарадигмального толка «социологию бедствий, которая не только об обществе, не только в обществе, но также для общества» [Burawoy 2014: 9]. В документе «Послания миру», подготовленном Японским консорциумом социологических обществ, говорится, что ныне востребована «глобальная, наднациональная социология» [Messages to the World 2014]. Нам особенно симпатичны мысли

о перспективах развития мировой социологии, высказанные К. Хасегавой, руководителем японского организационного комитета Конгресса. Опираясь на идеи Г. Зиммеля о том, что мост представляет собой не только сооружение, соединяющее берега реки или чего-либо, но и нашу волю к социокультурным связям, японский социолог ратует за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество; соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [Hasegawa 2014: 17]. Такое видение перспектив социологической «стрелы времени», несомненно, потребует развитие сетевых взаимоотношений с другими социальными и естественными и гуманитарными науками, что нами было обозначено *гуманистическим поворотом* [Гуманистический поворот... 2018].

Торонто (2018): XIX Всемирный социологический конгресс о новых реалиях власти, насилия, справедливости

Канадские социологии, принимавшие XIX Всемирный социологический конгресс, показали, что ныне происходит переход от постиндустриального к *цифровому обществу*. При всех явных достижениях процессов цифровизации, они латентно становятся главными факторами метаморфоз. Под ними мы понимаем *необратимые радикальные изменения*, предполагающие качественное усложнение природных и социальных реалий, связанное с изменением их структур и функций [Кравченко 2017а: 3–14]. Причём сами метаморфозы *усложняются*. Если раньше метаморфозы происходили в конкретных сферах, то ныне они распространяют своё влияние на *все* социо-природные реалии. Так, если К. Маркс раскрыл природу метаморфоз товарной формы в деньги и обратным превращением денежной формы в товар [Маркс 1960: 120] в *конкретной экономической сфере*, а Ж. Т. Тощенко – в *сфере сознания* в виде появления невиданных ранее *кентавризмов* и *фантомов* [Тощенко 2011; 2015], то У. Бек утверждает, что ныне *весь мир* подвержен метаморфозе [Beck 2016]. По мнению канадских социологов У. Х. Вандербурга, директора Центра технологии и социального развития при Торонтском университете, и В. Моски, профессора Королевского университета, автора или редактора двадцати трёх книг, чьи работы были презентованы на Форуме, трансформации столь велики, что для их интерпретации возникла востребованность *перехода всех наук*, включая социологию, на *новый тренд развития*, суть которого ими видится в формировании *трансдисциплинарных предметных полей с культурным стержнем*.

Исходя из того, что организаторы форума внесли в повестку дня проблематику власти, насилия и справедливости, отметим лишь те метаморфозы, которые непосредственно относятся к этим реалиям.

Во-первых, происходит *метаморфоза социальной власти в цифровую*. Власть всегда была *социально* обусловленной. Её характер и содержание изменялись по мере развития и усложнения социальной структуры общества. Под влиянием цифровизации власть радикально меняется, из неё выхолащиваются собственно социальный и культурный контексты. По мнению У. Х. Вандербурга, сформировавшийся в эпоху Просвещения подход исследования человеческой жизни и мира через призму предметного поля конкретной дисциплины и одной категории явлений, работал достаточно эффективно для изучения относительно простых социальных и природных реалий. «Но это очевидно плохо подходит для ситуаций, в которых сложные категории явлений оказывают нетривиальные воздействия». На ущербность формально-рационального и монодисциплинарного подходов впервые указали представители естественных наук. Н. Бор, А. Эйнштейн и др. отметили возникающую «необычайную сложность наших отношений с материей, энергией и окружающими средами». Явно и латентно новые реалии всё более воздействовали на характер и общества, и власти. «Однако социальные науки мало изменились под влиянием этих открытий и рекомендаций». Сегодня требуется «переоткрытие» подходов к интерпретации власти с учётом её обусловленности цифровизацией научного знания и технологий, чтобы утвердился «более жизненный и устойчивый мир» [Vanderburg 2016: 3, 4–5, 23–25, 32]. В. Моско также считает, что наука и технологии становящегося цифрового общества радикально изменяют реалии власти, лишая их собственно культурного содержания. Возникли невиданные ранее «значимые социальные проблемы концентрации власти несколькими глобальными компаниями и правительствами». Новые реалии цифрового общества «фундаментально изменяют отношения между людьми и цифровыми машинами», «означают постоянную интеграцию людей и машин». Но, главное, создаются принципиально новые властные структуры, являющиеся «силой в политико-экономических и геополитических конфликтах», а также «контролирующие индивидуальные тела и социальные отношения». Существует «пять наиболее значимых корпораций в мире», которые непосредственно связаны с американским правительством: Apple, Google, Microsoft, Amazon, Facebook. С ними конкурирует только китайская Alibaba. Власть мировых цифровых гигантов по существу осуществляет тотальный контроль над процессами цифровизации в мире, что «представляет фундаментальную угрозу демократии». Возникла реальная «перспектива сра-

жений в дистанционных войнах без задействования в них большого количества людей, что способствует росту военных роботов». «Дроны выбраны потому, что они относительно дешёвы, более быстры, чем пилотируемые аппараты, эффективно убивают». В этой связи канадский социолог ратует за то, чтобы «начать разработку двусторонних и многосторонних соглашений по контролю над растущей опасностью, исходящей от цифровых военных действий» [Mosco 2017: 6–12, 41, 133, 144, 199].

Во-вторых, *имеют место метаморфозы социального насилия в цифровое насилие*. В доиндустриальном обществе у людей сложились относительно устойчивые представления о насилии, которые были обусловлены символизацией, жизненным опытом, культурой. Материалы XIX Всемирного социологического конгресса свидетельствуют о том, что многие социологии продолжают судить о современных реалиях насилия, исходя из прежних социально-культурных критериев, не принимая во внимание, насколько радикальным изменениям они подверглись под влиянием цифровизации. Наибольшие вызовы культуре, существованию человеческой цивилизации несёт собственно *цифровое насилие*. У. Х. Вандербург сравнил цифровое насилие с «нашей войной с самими собой» [Vanderburg 2011]. По его мнению, в современном обществе утвердился социальный тип «гомо информатикус»: дети «стали зависимыми от “гугливания” всего... Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру, который не может поддерживать символические сущности и который неустойчив для планеты». Цифровое насилие «отфильтровывает» всё культурное. «Например, телефон “отфильтровывает” глазной этикет, выражение лица, ритмы тела, обусловленные разговорами лицом-к-лицу. Текстовые послания и электронная переписка отфильтровывают ещё больше». Таланты людей определяются их способностью оперировать дисциплинарным и цифровым знанием, а не культурой. «Последствия для семей, групп, дружеских отношений и других социальных связей ужасны». Тинэйджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов, и, соответственно, «должны полагаться на другие многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров... Шаг за шагом мир делается безопасным для техники и опасным для людей, сообществ и экосистем». Социолог заключает, что цифровизация создаёт «образ *не-жизни*, который, как представляется, имеет гораздо больший эффект на наше ментальное здоровье, чем люди готовы это признать». Минимизацию последствий цифрового насилия автор видит в преодолении духа капитализма посредством «борьбы за человеческий дух», ибо «чем более культуры подвержены десимволизации со стороны тех-

Цифровизация создаёт «образ *не-жизни*, который, как представляется, имеет гораздо больший эффект на наше ментальное здоровье, чем люди готовы это признать».

ники, тем более трудно использовать какие-либо культурные ресурсы (включая мораль и религию)» [Vanderburg 2016: 254, 256–257 и др.]. Цифровое насилие, считает В. Моско, способствует утверждению невиданного ранее типа *тотального надзора*. «"Умные" телевизоры записывают разговоры хозяев, даже если они выключены, и отправляют данные в аналитические центры». «Канадцы обеспокоены тем, что их информация накапливается на серверах США». Собираемая информация о пользователях «без их уведомления» накапливается в глобальных цифровых структурах: Возник новый тип паноптика: «Вездесущий надзор собирает столько данных, сколько возможно, создавая цифровую версию всевидящего паноптика». В итоге возникла «система, которую лучше всего назвать *надзорным капитализмом*» [Mosco 2017: 20, 22 и др.].

Трудно не согласиться с тем, что цифровые технологии имеют побочные эффекты для культуры. В этом направлении ведут исследования и российские социологи, ратующие за «переоткрытие» социальной реальности и, соответственно, переориентацию предметной сферы социологии на проблематику жизни, гуманизма, ненамеренные последствия воздействия науки и техники на человека, общество, биосферу [Тощенко 2016; Яницкий 1918; Кравченко 2014a].

В-третьих, осуществляются *метаморфозы культурно обусловленной справедливости в цифровую несправедливость*. Исторически справедливость была обусловлена культурно-локальным контекстом, касалась характера взаимодействия людей. Однако ныне в представления о Добре и Зле, справедливости и несправедливости включаются технологические, экономические, цифровые и даже климатические факторы, оставляя в стороне их собственно культурную составляющую. Так, канадский социолог Е. Т. Дерангер в выступлении на пленарной сессии сделал акцент на сути «климатической справедливости в канадском контексте» [Deranger 2018: 89].

По мнению У. Х. Вандербурга, в представления о современной справедливости вмешались экономические мифы о капитале, прогрессе, работе и счастье, о «новой секулярной "душе"» членов общества... Замещение культурного подхода на экономический положило начало реорганизации человеческой жизни и общества по образу машины (т. е. не-жизни)», что, по существу, привело к умалению культурно обусловленной справедливости и становлению цифровой несправедливости. Её появление и доминирование социолог связывает с развитием сложной «техники, изменяющей людей» и «растущей зависимости от интернета». Процессы цифровизации привнесли новые несправедливости в характер работы; в частности, роботы не только вытесняют людей с их рабочих мест, но и минимизируют «культурные связи людей». Кроме того, возникли про-

блемы со «здоровой работой». «"Островки" здоровой работы находятся в опасности, ибо поглощаются океаном нездоровой работы». Роботизация создаёт «систему, лишённую смысла, потому что долговременные траты и риски значительно перевешивают приобретения» [Vanderburg 2016: 142, 144–145 и др.]. В. Моско новые формы несправедливости видит в том, что «всё больше люди работают как ассистенты роботов и других умных средств». Массовая безработица становится «возможностью», ибо «живой труд, как Маркс называл его, ускоренно вытесняется мёртвым трудом машин». Никогда в истории «не было большей угрозы для существования рабочих мест и качества труда, чем та, что вызвана мёртвым трудом роботов и искусственным интеллектом». Более того, мозг и мышление человека обретают характер функционирования цифровой техники [Mosco 2017: 55, 177].

Особо отметим, что российские социологии ранее указывали на актуальность проблемы «нового прочтения» труда [Тощенко 2005; 2008]. Со своей стороны, мы раскрыли новые проявления несправедливости, обусловленные «нормальной аномией», возникновение которой в значительной степени обусловлено сциентизмом, формальным рационализмом, меркантилизмом, и наметили шаги по минимизации её последствий [Кравченко 2017b: 3–13]. Полагаем, после Конгресса проблематика несправедливостей, обусловленных цифровизацией техники и экономики, получит новый импульс развития.

Резюме

Итак, можно констатировать, что социологическая «стрела времени» вступает в новую фазу развития. Сегодня «устаревает» тренд развития наук, выражающийся в признании практически полной валидности *знания монодисциплинарных наук*. Настоятельно обосновывается необходимость развития *новой междисциплинарности*, имеющей культурный и гуманистический стержень. Метаморфозы, обусловленные цифровизацией социума, востребовали становление *цифровой социологии*. Заметим, преподавание курса «Цифровой социологии» введено в процесс подготовки социологов в МГИМО-Университете. Цифровизация в виде побочных эффектов негативно влияет и на биосферу. «Большинство вызовов нашей цивилизации проистекает из столкновений, с одной стороны, между "миром" машин, а с другой – человеческой жизнью, обществом и биосферой» [Vanderburg 2016: 16–17]. Несомненно, материалы XIX Всемирного социологического конгресса свидетельствуют о новых трендах социологической «стрелы времени», дают новый импульс исследованиям в их контексте.

Библиографический список

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Монография / Под общей редакцией С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.

Кравченко С. А. 2009. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования. № 8. С. 14–24.

Кравченко С. А. 2008. К итогам VIII Конференции Европейской социологической ассоциации: теоретические и методологические новации // Социологические исследования. № 2. С. 3–9.

Кравченко С. А. 2017а. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. № 10. С. 3–14.

Кравченко С. А. 2015. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. № 2. С. 29–38.

Кравченко С. А. 2014с. Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. № 5. С. 139–152.

Кравченко С. А. 2014b. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. № 5. С. 27–37.

Кравченко С. А. 2017b. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. № 2. С. 3–13.

Кравченко С. А. 2011. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. № 1. С. 11–18.

Кравченко С. А. 2014а. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 110–124.

Кравченко С. А., Перова А. Е. 2017. «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 17. № 4. С. 449–459.

Маркс К. 1960. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: Политиздат. 908 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 2000. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС. 312 с.

Тощенко Ж. Т. 2011. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): Монография. М.: Новый Хронограф. 552 с.

Тощенко Ж. Т. 2016. Социология жизни. М.: Юнити-Дана. 399 с.

Тощенко Ж. Т. 2008. Социология труда. М.: Юнити-Дана. 423 с.

Тощенко Ж. Т. 2005. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль. 333 с.

Тощенко Ж. Т. 2015. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Яницкий О. Н. 1918. Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИСЦ. 177 с.

Beck U. 2007. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond. / Ed. by B. Adam, U. Beck, J. van Loon. L.: Sage Publication. 231 p.

Beck U. 2016. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press. 223 p.

Beck U. 2010. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 240 p.

Burawoy M. 2014. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. P. 9.

Castells M. 2010. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 656 p.

Deranger E. T. 2018. Indigenous Peoples, Climate Change, and Climate Justice in the Canadian Context // XXI ISA World Congress of Sociology, Toronto, Canada, July 2018. P. 89.

Fuller S. 2008. The New Sociological Imagination. L.: SAGE. 231 p.

Han Sang-Jin. 2010. Individual Sovereignty, Confucian Challenge and Human rights Community: Why do we Need a New Sociological Imagination // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest. P. 191.

Hasegawa K. 2014. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. P. 17.

Mosco V. 2017. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited. 227 p.

Perrow Ch. 2011. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press. 432 p.

Sosa R. 2014. Welcome from ISA Vice-President for the Congress Program // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. C. 12.

Vanderburg W. H. 2016. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press. 421 p.

Vanderburg W. H. 2011. *Our War on Ourselves*. Toronto: University of Toronto Press. 400 p.

Wieviorka M. 2010. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XVII World Congress of Sociology. Programme. Göteborg, Sweden. P. 15.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540

The Sociological “Arrow of Time” in the XXI Century: Innovations in Materials from Global Sociology Convention

Kravchenko Sergey Alexandrovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. E-mail: sociol7@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the tendencies for the development and complication of sociological knowledge within the context of the effects of the sociological “arrow of time”. With this in mind, theoretical innovations provided by materials from the XV-XIX Global sociological conventions are put to use. Each worldwide sociology forum stimulated the expansion and complication of sociology: there is an ongoing “rediscovery” of social reality occurring, which in itself indicates the relevance of sociological knowledge. The XV convention (Brisbane) stimulated the development of sociology by way of increasing various theoretical-methodological approaches towards studying society, which implies the integration and widespread use of achievements by other social and physical sciences. The XVI convention (Durban) was marked by an internationalizing of sociology, which was reflected in the latter attaining its polycentricity. The XVII convention (Gothenburg) defined the fact that transformation of sociological knowledge became dependent not necessarily on an accelerating, but rather on an ever more complicated dynamic inherent to society. The XVIII convention (Yokohama) highlighted the emergence of new social and cultural inequalities, which occurred due to certain side effects of the development of current global realities. The XIX convention (Toronto) accentuated the analysis of the side effects which occur due to human activity, which basically change the socio-cultural nature of power, violence and justice. Special attention was devoted to the fact that today the sociological “arrow of time” is aimed towards studying the involuntary consequences of the digitalization of society, scientific knowledge, as well as the rise of digital technology. Unprecedented issues have emerged, which have to do with power being concentrated in the hands of a few global IT companies. The newfound realities of a digital society radically change the relationship between people and digital machines: an individual’s socialization and reasoning become subjugated to the function of “smart” machines. However, most importantly, fundamentally new power structures are emerging, which are determined by the digital realm and represent a formidable force in economical and geopolitical conflicts, as well as control individual bodies and social relations. Sociologists see a path to overcome the recent challenges faced by modern civilization in a transition towards interdisciplinary knowledge with a cultural backbone. This requires a humanistic shift in the development of all sciences.

Keywords: sociological “arrow of time”, world congresses of sociology, side-effects, knowledge, digitalization of society, metamorphosis, interdisciplinarity, humanistic turn.

References

Beck U. *Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programms*. The Risk Society and Beyond. Ed. by B. Adam, U. Beck, J. van Loon. London, Sage publ., 2007. 231 p.

Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge, Polity Press, 2016. 223 p.

- Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press, 2010. 240 p.
- Burawoy M. Welcome address by the President of the International Sociological Association. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, pp. 9–11.
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1: *The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
- Deranger E. T. Indigenous Peoples, climate change, and climate justice in the Canadian context. XXI ISA World Congress of Sociology papers. Toronto, 2018, pp. 89–96.
- Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, SAGE publ., 2008. 231 p.
- Gumanisticheskiy povorot: imperativ chelovecheskoy civilizatsii [Humanistic turn: the imperative of human civilization]. Ed. by S. A. Kravchenko. Moscow, MSIIR publ., 2018. 209 p. (in Russ.).
- Han Sang-Jin. Individual sovereignty, confucian challenge and human rights community: Why do we need a new sociological imagination. Book of Abstracts of XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheborg (Sweden), ProQuest, 2010, p. 191.
- Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, p. 17.
- Kravchenko S. A. *Dinamika sociologicheskogo myshleniya i vooobrazheniya* [The dynamics of sociological thinking and imagination]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2009, no 8, pp. 14–24 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *K itogam VIII Konferencii Evropeyskoy sociologicheskoy associatsii: teoreticheskie i metodologicheskie novatsii* [To the results of the VIII Conference of the European Sociological Association: theoretical and methodological innovations]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2008, no 2, pp. 3–9 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Metamorfozy: sushchnost', uslozhniayushchiesia tipy, mesto v sociologicheskoy znaniy* [Metamorphosis: essence, complicated types, place in sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no 10, pp. 3–14 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sociologii radi bolee ravnogo mira* [Bridges connecting all sorts of splits of sociology for the sake of a more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2, pp. 29–38 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Novye riski edy: neobkhodimost' gumanisticheskoy biopolitiki* [New food risks: the need for a humanistic biopolitics]. *Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 5, pp. 139–152 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Pereotkrytie social'noy real'nosti kak pokazatel' validnosti sotsiologicheskogo znaniya* [Rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no 5, pp. 27–37 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Sosushchestvovanie riskofobii i riskofilii – proyavlenie «normal'noy anomii»* [The coexistence of riskophobia and riskophilia – an expression of “normal anomie”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no 2, pp. 3–13 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeystviyu teoretiko-metodologicheskikh podhodov* [Sociology in the movement to the interaction of theoretical and methodological approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no 1, pp. 11–18 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. *Strela vremeni: sovremennyye vyzovy sociologicheskoy znaniyu* [The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2014, no 1, pp. 110–124 (in Russ.).
- Kravchenko S. A., Perova A. E. «Noviy katastrofizizm» i budushchee: vstrebovannost' nelineynogo znaniya [«New catastrophism» and the future: the demand for non-linear knowledge]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 449–459 (in Russ.).
- Marx K. *Kapital* [Das Kapital]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*, Second edition. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1960. 908 p. (in Russ.).

Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley, Emerald Publishing Limited, 2017. 227 p.

Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial and Terrorist Disasters*. Princeton, Princeton University Press, 2011. 432 p.

Prigozhin I., Stengers I. *Poriadok iz khaosa. Noviy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos. New dialogue of human being with nature]. Moscow, 2000. 312 p. (in Russ.).

Sosa R. Welcome from ISA Vice-President for the Congress Program. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, p. 12.

Toshchenko Zh. T. *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of the Russian society]. Moscow, Centr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-problem (Experience of philosophical and sociological analysis)]. Moscow, Noviy Khronograf, 2011. 552 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sociologiya truda* [Sociology of Labor]. Moscow, Yuniti-Dana, 2008. 423 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya truda: opyt novogo prochteniya* [Sociology of Labour: the new experience of reading]. Moscow, Mysl', 2005. 333 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of Life]. Moscow, Yuniti-Dana, 2016. 399 p. (in Russ.).

Vanderburg W. H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto, University of Toronto Press, 2016. 421 p.

Vanderburg W. H. *Our War on Ourselves*. Toronto, University of Toronto Press, 2011. 400 p.

Wieviorka M. Welcome address by the President of the International Sociological Association. The Program of XVII World Congress of Sociology. Gøteborg (Sweden), 2010, p. 15.

Yanitsky O. N. *Globalizatsiya. Gorod. Chelovek* [Globalization. City. Human being]. Moscow, FCTAS RAS publ., 2018. 177 p. (in Russ.).